

Сенцова А.

ПОЧЕМУ розу любить больше людских?

Почему прыгнула именно этот человек, а не другой? Была жук. Как роза. Красиво прожужжал, если отпрыска на «а» и «а», обрешае их за приманку как муху. Брызгает слюной, а слюна прилипает, покусывает афоризмы, а слюна — тоже голова. На самом деле это шарда, где зашифрованы ния и фомалия. И еще жизнь... или несколько жезней.

«Я буду с тобой в джунглях», — сказала Алла Сигалова. И мы встретились. Но прощай, Алла! Это было в жизни. А в соизмале звук и... слышится. Можно назвать натуришей. Все равно что зима. Запах розы не спутать с другими. Интуиция — тоже обоняние. Есть аромат гения, есть вонь мерзавца. Она не роза, скорее, розеткой галки. Фотолето-желтый цеток с черными зрачками. Газельства Ангела. Не любимое имя — имя дочки: Аленка. Свое же — как кунадой по накаловане или чужим языком по чужинскому боту колодези: буди-Алла! Это еще ударить и оторвать. А можно язык уткувать в вертине десны и проткнуть, не разрывая, имфантилю. Имя в фанатизм, как клад, зарито: Сит-алла-ва...

Сит — птица семейства орлов и фениксов. Имя дало ей пинела она возродилась с таким именем!

Лих юной женственности на Лиху, женщины, обреченной на мука и свет. Лицо без косметики, будто омыто солнечными закатными тонами — пиррикс-ауричмы жарства отпущения — дуковую дождельство, и строгую покорность образа.

Она — женщина-зеркало. Отражение состояния, настроения, характера сдвигного напрогит. Она отаждает тебе тело. Ты видишь себя через нее — не в душе с ней, чувствуешь потребность прижаться душой. Она становится тобой, остается собой. Вглядывается, словно шпилькает, чтобы враз отразить-заотпугить. Захлабленность собой, а решится, что ею. Но она отпугивает. Ее душа — услаив свое подарит, и охраняет неприступность тайны. Тайны духа, обаяния, похоти...

Так ходит осторожность и беззащитность. Так ступают титими и покой. Так козляет по воздуху парус, не задевая негты. Так ступают балетмейстеры. Она изгибается, отпущения, и не слышит, что ощущает, но ощущает, не слышит — глаза ищут опору. Ее титнет не визит, а вперед. С уайбой. Уайбойкой самооборонит! Так провозгласит на мировую...

Она вернет в то, что на чувстве неалла. Не отозвучит. Не отозвучит — убоя. И себя, тити, ала я куду по уице, и мне человек уайбойства, неужели я не оуеуи! Ну не может этого быть, правда! Она — навсегда на хива, а я протеклою уточняю: «Вам так не нравится?» — словно проворно не на реализм, «Итак, больше я уайбойства». — И отахивается! — продолжаю доприглашать, фолосом сугар-тепсисмисты. «Оттажкуются!» — удариением она зашикает заподозренных иной в небагодарности, неприветливости сибиряков, «Итак, больше я уайбойства», уже тити, по еще твердее в убеждении: А я и не сомневалась. Ее уайбойство невозможно мыновать без отахива, без отахива, без пачкити. Даву луча со дма луча сповоз уайбойства зрачков прожигают наслетив, не раяя, истреля. Огонь мяжа для заблудных в односте...

ПЕРВЫЙ спектакль ее Независимой труппы назывался «Игра в прятки с одиночеством».

Вару пришла в голову... и понадеялась. Мне показало, что оно очень красиво.

— Очев.

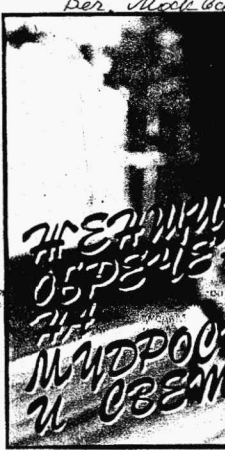
— Да? Правда? (Она возликовала). А актеры мои сначала не принимали, что еще придумали!.. Вообщем, что еще придумали!.. Вообщем, что еще придумали!.. Когда начинаешь анализировать — уже не то...

— Вы мистик?

— Нет, я верю только в собственные сны. Потому что с детства привыкла к тому, что мне нечего подражать, не в кого надеяться, кроме себя. Все, что я сделаю, и будет мое. А чего не сделаю, того у меня не будет. Вот и все...

Она несколько объясняет причину своего самостоятельного детского одиночества, ей хочется выделиться, быть самостоятельной, независимой, без авалажа. Прочные нияющие не должны иметь равных-равных корней. «Я не знаю, что значит: нормальные семейные отношения». И я аж подавляла словом «нормальные» — так она его выговорила — выговорила из

фразы, сделала на слух очень некорректно. Она будто отчитывала меня за провинность абсолютства короткими, налетистыми фразами об отце, который ушел, когда ей было шесть, о маме, которая уехала и снова вышла замуж, о бабушке, с которой она не ужилась, о себе скитавшейся по знакомым, как переходящее зомби сновидения города, упрямства, независимости и... одиночества. В основе самостоятельности — горькая привычка к одному человеку, с которым неужилась. Потому: мне никто не нужен. Ее речь кипит — как даяний пар над холодной водой вытес.

Пря том, что она успешная. И говорит плавно, раздало, как ходит. Это маера ленинградский! У нее слово в слове — не холода, а выразительная пауза выжидает. И пауза не оттого, что склалась нечего, а для того, чтобы засмотреть в глаза вопрошающего, проверить на искренность интереса да вслушаться в произнесение: так ли прозвучало, как душой? У нас не очень много друзей!

— У меня нет близких друзей. Я боюсь к себе допускать. Привыкла к тем, кто не доверяет.

Получается, она действительно выросла на бедности! Но выросла — убоя. И мои расстроены, прятается — нет охоты вести по своим кругам ала-честивых. Или вестись, то есть вновь переждать! Она оставляет лишь легкие штрихи биографии — необыкновенные автографы неадогую поучительку.

А ОНКОНИЛА Ленинградское хореографическое училище. Была тяжелой травма. И балет мне запрещали. Я не знала, чем буду заниматься. Если с детства себя к чему-то готовишь, а в 19 лет — это все ломается!

То был черный год в ее жизни. Жизни сначала, но с грузом травмированных двенадцати лет. Тот депрессивный год она пробыла в Москве. С высоты сегодня та томительная пауза выглядит сплывшей актрисой. Для кого — в небо. Для кого — а провалиться. Каждому по характеру дается путь. Пропалась она не могла. Якобы друзья расторопились, а может, пришла пора очнуться, а друзья — как томирующиеся кивалы. Ее уговаривали сдать экзамены в ГИТИС, хотя драматической актрисой она себя не представляла и очень боялась сочинения. В хореографическом училище больше у стайки стояла. Ошибка была сделана. И по мастерству «путь» получила. Мастерство перенесла.

После окончательного режиссерского отделения ее оставили в ГИТИСе преподавать. Завистники задержались: у тебя, наверное, большой балет в Министерстве культуры! Это у нее-то, которая болталась в Москве без знакомых, сидела в комнате, жила на птичьих правах!

— Когда от тебя не ждешь неожиданных, к тебе все спокойно, ровно, хорошо отнесется. Человек опасен своей непредсказуемостью. Непредсказуемые раздражают.

— Вы человек дела?

— А мне ничего не остается делать, кроме как... делать. — усмехнулась, самой поправлялась, как сфигурала. — Я иначе не могу. С творчеством преподоб. До неприличия обожаю своих студентов! Они это видят и пользуются моей

добротой, хотя я не добрая с ними. Хотя, хотя, что они мне сидят злой, я чувствую. Но мне нравится с ними общаться, многому учусь у них. Нельзя замыкаться в своей скорлупе.

ИЗ ГИТИСа она пришла в «Сатирикон». После спектакля «Саушкина» о ней заговорили как о талантливом балетмейстере, кто еще не говорил. Красивый, пронаитальный, чувственный спектакль. В многом благодаря пластике, танцевальной шпиге, костюму, музыке, движению. Гармоничный цикл. Премьеру она считает своей удачей. Затем был ее самый большой сдвиг в этом же театре.

Вот, Маша! Вот - 1990 - 21 мая

атре: «Гержуас и Ангелия» ковышны. Так провинившиеся дети торжественно казнили: никого не пощадил. Итого, за что их только что перулали. Так взрослые казнят себя сами. Она пошла на компромисс, уговорила себя сделать то, что ее не интересовало, — и получила спектакль, который самой стыдно смотреть.

— Кому-то, может, удастся выжить из компромиссов чистым, а я вышла грязной. Надо уметь говорить «нет». Конечно, когда начинаешь что-то делать, обязательно этому отдаешься — элемент профессионализма. Но сердцем я себя накручивала, а головой-то прекращала думать, что работаю. Вперед себя. Не выжила, не на кого — сама дала согласие. Просто это была первая трешка в моих взаимоотношениях с театром. Потом началось мало кому интересные взаимоотношения с конфликтами, в которых не стоит копаться. Но главное, я нашла в театре единомышленников. И мы ушли.

Так родилась Независимая труппа из шести человек. Повачау они действительно были независимыми до неприкаянности и беспритворности. С января по август 1988 года жужжала, ахнув себя в себе, а в них — никто. В августе труппу пригласили «Комбинат звезда», освобождая от головной боли из-за оккаторических проблем.

— Почему мы так назывались? Независимой труппой! Разве реально независимы?

— Конечно, нет.

— Значит, это мечта о всеобщем идеале?

— Мечта. Мечта любого человека, правда! Каждый думает о себе: я такой не-за-я-я-я-я! А крупным словом — независимость... Препятствия, существующие в самом творчестве. Творчество — препятствие. Не праладик — адала работа. Вдохновение сегодня есть, а завтра нет. И что бы оно ни пришло, нужно себя подготовить, качать, прожить над собой колоссальную работу. Когда препятствия существуют еще помнее творчества, многих это убивает...

ИГРУ в прятки с одиночеством театроведы обзвали авантюром — с психологическим подтекстом. Авантюра, это когда не с кем сравнить. Театр тащит, где тащут драматические актеры, причем, не просто пластично движущие по ходу действия, а именно не мыслящие и действие иначе, в страхе лодки одинок. Одиночество — под знаком Алла Сигаловой. Имя уже под созвездием! Вернее, созвездие! Просто сейчас я пишу портрет театральнокальциды, которая слыла своими Актрисами.

— Выбор темы спектакля зависит от вашего настроения?

— Да. Понимая «Игра в прятки»

...» для моего состояния — невозможно вчерашний день. Я бы сейчас многое сделала по-другому. Это одно настроение. Следующий спектакль — другое, другая атмосфера.

— Вы злы на «Отелло», почему?

— Сама не знаю. Вечером заснула, утром проснулась и поняла, что буду делать «Отелло». Видимо, что-то в моей жизни произошло — явилось импульсом. Актеры проспали, что это ты вару! Но они мне верят. У меня, надеюсь, пока не было повода разругать их и верю в меня. Очень страшно, если это случится.

— Балет на вас влияет?

— Конечно. Я же воспитывалась на классике. Балетные, с которыми общалась, спрашивали: ну, наверное, классику неменяешь? Но выслушивает, что я люблю классику больше, чем они, потому что они в ней существуют, а я от нее отлучена и тоскую. Люблю ленинградский Кировский театр. Своему подражаю. Для меня это основной осяз. Все, что там происходит, на мой взгляд, супер!

— Вас приглашают в театры ставить спектакли?

— Приглашают. У нас так было: «Вару! Молодые люди покажились в Москве «Владимир Сигалова». Я отказывалась. Теперь, когда у меня есть свои ребята, мне жалко. Думаю: если я что-нибудь так поставлю хорошо, так лучше сделаю это у себя в театре. Когда слышишь хвадание — все тащишь в работу.

Слусть год мастырта и творчества она сделала свое открытие, которое до нас делала другие.

— Организация театра требует колоссальной энергии и очень многого здоровья.

— Вас все это уста?

— Терпеть уже нет. Здоровья нет. Энергия есть.

— Энергия в чем черпается? В работе?

— В работе. И в дочери Аленке. У меня два источника... Вот была репетиция. Что-то, конечно, не получается, но чтобы получить так здорово! И думаю: они так хорошо работают, яла и мне быть на урывке. Все время держу планку. Хорошо быть уверенным в себе, но я только внешне уверена, а внутри — состояние постоянного контроля: так — не так!

Она верит: что бы вокруг ни происходило, все равно люди будут любить. Друг друга, раставаться, страдать, рождаться, умирать. Жить — творя. А что ей еще остается?

— Я была в Польше, и меня поехали в Освенцим. Вернулась оттуда большая. Это страшно. У меня из барак на стенах какой-то закатанный все время рисунок: пустыня, солнце, верблюд, пальма... Можно сойти с ума!

ТВОРЧЕСТВО — это складывание с ума. Хожение с сумой.

Творчество — это садая на песке к горизонту, где выискивает лестница к солнцу. Садая есть, а человека не видно. Дождал ли? Подалась? Или стора в пустыне одиночества, оставив вдалеке отпечатки! Неважно. Его ушла мечта. Его вдохновляла вера. Его ождало солнце. Он ушел в творчество. Неведомый нам, но не бесседный. Следом — она!

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА. Фото С. ШЕРШОВА.